

**АНТОН
ПЕРВУШИН**

ПИРАТЫ XXI ВЕКА

ОПЕРАЦИЯ
«СЧЕТ ОПАДА»

Пираты XXI века

Антон Первушин

**Пираты неба
(Операция «Снегопад»)**

«Автор»

2000

Первушин А. И.

Пираты неба (Операция «Снегопад») / А. И. Первушин — «Автор», 2000 — (Пираты XXI века)

Константин Громов и его товарищи, пилоты авиационной части 461-13 «бис», расположенной в Заполярье, стали оружием в руках тайного русского общества, действующего по всему миру. Согласившись стать участниками секретной операции, проводимой этим обществом, пилоты против своей воли оказались втянуты в военный конфликт между Россией и мусульманской Федерацией Народов Кавказа. Вожди Федерации посылают в Заполярье элитные воздушные эскадрильи, чтобы отомстить русским за унижение. Ждать помощи русским неоткуда, их жизнь и победа в их собственных руках.

© Первушин А. И., 2000

© Автор, 2000

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	18
Глава третья	28
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Антон Первушин

Пираты неба (Операция «Снегопад»)

Глава первая «На самом высоком уровне»

(Аэропорт Ле-Бурже, Франция, июль 1996 года)

Имитация воздушного боя – это тонкая, выверенная до мелочей и тщательно отрепетированная игра. Здесь, в Европе, в густонаселённом районе да ещё на авиационном шоу, когда внизу тысячи туристов и местных жителей, среди которых немало офицеров и дипломатов со всего света, нельзя допустить ни единой ошибки. Не до мальчишеских выходов, которые мог себе позволить коллега Карабасов на авиабазе Лэнгли, что в штате Вирджиния.¹ И Громов не собирался выпендриваться. Собственно, его и выбрали для участия в этом шоу потому, что он в отличие от большинства «витязей» не любил выпендриваться, на любой вопрос по технике высшего пилотажа отвечая просто: «Это я могу сделать» или: «Этого я не могу сделать».

За неделю до авиашоу они засели в гостиничном номере с Жаком Арто, которому предстояло пилотировать истребитель условного противника – французский «Мираж-2000»² – и, наливаясь до бровей апельсиновым соком, расчертили схему предстоящего показательного боя. Обговорили каждый манёвр. Для разминки – преследование. Сначала «Мираж» преследует «Сухого», затем «Сухой» делает кобру Пугачёва,³ «Мираж» проскакивает под ним, и роли меняются. После выполнения ещё целого ряда фигур и манёвров – «горка», «хук», «колокол» и так далее – был запланирован встречный бой, когда истребители должны были идти друг на друга, нос в нос, и в последний момент, когда у зрителей захватит дух от, кажется, неизбежного столкновения, разойтись и под ожидаемые аплодисменты совершить посадку на аэродром.

Капитан Арто оказался свойским парнем. Не из тех тупоумных патриотов, что кичатся собственной «легендарной» техникой и слышать не хотят о сотрудничестве с «отсталыми» русскими. Оказалось, что дед его воевал в составе знаменитого полка «Нормандия – Неман», летал на «Як-3», а после войны заделался ярым сталинистом. Умер он совсем недавно от внезапного инсульта, хотя всю жизнь держался молодцом и на здоровье не жаловался. Сам Жак Арто сталинистом не сделался (да и с чего бы молодому человеку, родившемуся в «Столице мира», в свободном и процветающем Париже, становиться сталинистом?), но доброжелательное отношение к русским он у деда перенял, и был рад сотрудничеству с блестящим русским офицером из группы, прославленной своими необычными трюками на самых современных машинах.

Обговорив детали, Громов и Арто взялись за отработку каждой фигуры индивидуально и в спарке. Шоу должно было получиться на славу.

День показательных выступлений пилотажных групп на международном авиационной салоне в Ле-Бурже выдался ясный и солнечный – «видимость девять баллов», как принято говорить среди специалистов. В десять утра все участвующие в показательных выступлениях

---

¹ Реальный случай. В августе 1992 года майор российских ВВС Е.Карабасов участвовал в учебном бою между истребителями «Су-27Б» и «Ф-15» («Игл»). Бой убедительно продемонстрировал преимущества российского истребителя.

² «Мираж-2000» («Mirage 2000») – французский многоцелевой истребитель.

³ Кобра Пугачёва – очень известная фигура высшего боевого пилотажа; истребитель как бы становится на хвост, резко уменьшая при этом скорость. Названа в честь Виктора Пугачёва, шеф-пилота ОКБ имени Сухого, впервые продемонстрировавшего эту фигуру на публике.

пилоты заняли свои места в кабинах самолётов. «Мираж» Жака стоял на площадке крыло к крылу к «Сухому», и Громов с Арто довольно весело проводили время, обмениваясь двусмысленными жестами.

Наконец поступило разрешение начинать. Первым взлетел Арто. Красавец «Мираж» с изображением трёхцветного (напоминающего современный российский) флага на фюзеляже легко разбежался на полосе и ушёл свечой в небо. Громов хмыкнул скептически и тоже направил машину на взлёт. Его «Су-27», принадлежащий пилотажной группе «Русские витязи», не имел камуфляжной раскраски, он был предназначен для достижения других – чисто рекламных – целей, а потому выглядел, как конфетка в пёстрой упаковке. При этом преобладали три цвета: белый, красный, голубой. По фюзеляжу под кабиной пилота тянулась надпись красным по белому: «РУССКИЕ ВИТЯЗИ». На широких крыльях словно бы расстелен российский флаг. Маленькие красные звёздочки с белой каймой нанесены ближе к закрылкам. На хвостовом оперении – роскошная эмблема, знаменитые «крылышки» на фоне солнца. Чудо, а не самолёт.

Громов поднял машину в воздух без каких-либо проблем, сделал круг над лётным полем, чтобы зрители могли полюбоваться совершенством форм одного из лучших российских перехватчиков. Потом с земли распорядились: «Вступайте в игру», и круговерть воздушного боя началась.

Первоначально всё шло по плану. «Сухой» и «Мираж» выделяли трюки: гонялись друг за другом, расчерчивая воздух замысловатыми виражами. Лишь раз Громову показалось, что Арто перегнул, крутанув незапланированную «бочку» на предельно малой высоте.

«Выпендрёжник, – подумал Громов неодобрительно. – Циркач».

Двадцать минут пилоты развлекали собравшуюся внизу публику, заставляя её то вздрагивать от ужаса, то облегчённо переводить дух – полный набор острых ощущений. Пора было закругляться, о чём Константин и сказал Жаку на волне прямой связи между самолётами. Арто чуть запыхавшимся голосом, словно пробежал перед тем стометровку на зачёт, подтвердил, что понял сообщение и готов выполнить последний из запланированных манёвров.

Истребители разошлись на удаление в пять километров, уравнили высоту и, врубив форсаж, рванулись навстречу друг другу, как два спущенных с цепи боевых пса. Неладное Громов почувствовал на четвёртой секунде после начала «встречного боя». «Мираж» Арто клюнул носом, на такой скорости сразу потеряв высоту. Арто попытался вернуться на исходную. Оказалось, что сделать это не так-то просто, истребитель стало уводить вверх, Арто ещё раз отработал рулями и «поймал» флаттер.

(Флаттер – одно из самых опасных явлений, известных аэродинамикам. Так называются самовозбуждающиеся колебания, которые могут возникнуть в конструкции летательного аппарата под действием больших нагрузок. Флаттер добавляет к уже существующим упругим деформациям конструкции дополнительные инерционные и аэродинамические силы, приводя к быстрому её разрушению. Особенно опасен флаттер для крыльев. Изгибно-крутильный момент, возникающий на крыле, ведёт к его всё ускоряющемуся раскачиванию и отрыву от фюзеляжа).

Видимость в чистом французском небе была великолепной, и Громов по рыскающим движениям «Миража» понял, что произошло. Но помочь чем-то Жаку Арто он не мог. Даже не успевал дать совета. Истребители стремительно сближались. Между ними оставалось чуть больше километра, когда «Мираж» начал рассыпаться в воздухе. От него полетели куски. Зрители внизу оцепенели от ужаса.

– Жак, катапультируйся! – в унисон закричали Громов и диспетчер авиасалона.

Арто и сам понял, что машину спасти не удастся. Это было выше скромных человеческих сил. Но, к сожалению, ни одна катапульта не срабатывает мгновенно. Задержка срабатывания у катапульты «Миража» составила две секунды. За это время у него успело отвалиться правое крыло, и истребитель свалился в штопор. Удаление между перехватчиками составляло всего триста метров. Громов так и не сумел заставить себя уйти в сторону. В конечном итоге это стоило жизни французскому пилоту.

От «Миража» отделился отброшенный системой катапультирования фонарь. Вспышка озарила кабину, и катапультное кресло с огромным ускорением вылетело, покидая гибнущий самолёт. Угол между линией горизонта и траекторией катапультирования составлял шестьдесят пять градусов. На скорости сто тридцать метров в секунду катапультное кресло вместе с пилотом – капитаном французских ВВС Жаком Арто – врезалось в фюзеляж летящего навстречу «Су-27».

Арто погиб мгновенно. Его просто расплющило при ударе. Катапультное кресло – словно выпущенное из пушки ядро – разворотило фюзеляж российского истребителя, перебив проводку управления и разрушив левый двигатель, который сразу же загорелся. Самолёт мгновенно перестал слушаться пилота; завывла система аварийного оповещения. «Су-27» свалился в неуправляемый штопор точно так же, как французский «Мираж» за несколько секунд до этого.

Громов не колебался. Он не знал, что именно врезалось в его самолёт (то, что это может быть катапультное кресло с Жаком Арто, он и представить себе не мог), но действовал быстро. Это было не первое его катапультирование, и работал Громов на чистом «автомате». Он прижался затылком к заголовнику кресла и резко потянул за держки катапульты.

«Су-27» падал вниз, за ним тянулся шлейф чёрного жирного дыма, а Громов ждал, когда сработает система катапультирования. Восприятие времени изменилось. Секунды растягивались, воздух стал плотным и текучим, как вода. И только земля приближалась с устрашающей скоростью. Широко открытыми глазами Громов смотрел на зелёное поле аэродрома, которое надвигалось на него, заслоняя от Константина весь остальной мир.

«Ну всё, – мелькнула у Громова мысль. – Отлетелся».

Но тут его сильно трянуло, шестнадцатикратная перегрузка вдавила Константина в кресло, и через пять секунд он уже болтался между небом и землёй под белым куполом парашюта.

Впоследствии эксперты установили, что, если бы временной разброс срабатывания данной конкретной катапульты К-36ДМ превысил норматив хотя бы на долю секунды (а такое вполне возможно – ни один достаточно сложный механизм не застрахован от подобного), авиасалон в Ле-Бурже был бы омрачён смертью не одного, а двух пилотов.

(В/ч 461-13"бис", полуостров Рыбачий, октябрь 1998 года)

Громов проснулся в поту и с тяжестью на сердце. Встал, подошёл к раковине-умывальнику (в «бочке-диогене» всегда тесно и всё находится под рукой) – отдернул занавеску, повернул кран (при этом заработал насос), дождался, когда струя холодной, как лёд, вода наберёт напор и можно будет всласть поплескаться, отгоняя тяжёлые предчувствия.

В эту ночь ему снова приснились Жак Арто, разваливающийся «Мираж» и неумолимо надвигающееся зелёное поле аэродрома. Громов до сих пор чувствовал вину за случившееся в тот ясный день над Бурже. Нет, его увлечение эзотерикой и мистицизмом не заходило так далеко, чтобы считать, будто именно он стал причиной флаттера. Магнетический взгляд русского пилота сбивает самолёты потенциального противника – о! какая сенсация для бульварной прессы! Свою вину Громов видел в другом. В его силах было отвернуть, уйти в сторону с заданной траектории, но он не сделал этого, тупо наблюдая за катастрофой. И вот результат –

Арто погиб, «Сухой» разбился, да и самого Громова так потрянуло, что потом месяц в парижской больнице отлёживался за государственный счёт.

Комиссия по расследованию «лётного происшествия» пришла к выводу, что вины Громова нет. Случайность, стечение обстоятельств. Вероятность столкновения катапультного кресла с истребителем Громова ничтожно мала, Жаку просто не повезло. А успеть принять правильное решение и уйти в сторону Громов теоретически мог, но вот практически... Никто не решился осудить русского пилота. Кроме него самого.

Нельзя сказать, чтобы Константин всё время терзался, заламывал руки и проклинал себя по ночам. В конце концов, он был зрелый здоровый мужик с отличными нервами и выдержкой удава – других в пилотажную группу не брали. Но иногда боль потери и застарелый комплекс вины возвращались вдруг и жить становилось невыносимо, на душе – муторно и хотелось выть.

А теперь к скорби по Арто прибавилась ещё одна – по Жене Яровенко. И снова Громов был признан невиновным. И снова никто не решился его осудить. И снова он судил сам себя.

Господи! Да ведь понятно же, что не будь той поездки в Мурманск, не будь встречи и последующей беседы с советником Маканиным, и не согласись он, Громов, на авантюру с перехватом норвежских транспортов, ничего этого не было бы, Женя был бы жив, ездил бы сейчас на тягаче по полосе, травил бы байки, мечтал бы о том, как поступит в лётное училище и станет кадровым офицером. Но, к сожалению, прошлое не имеет сослагательного наклонения. И Женя, запаянный в цинковый гроб, отправился в Мурманск, в свой последний путь, который закончился на военной кладбище. Он был сирота и детдомовец, и писать о его смерти было некуда, но от этого никому не стало легче.

И ещё одно беспокоило Громова. Ему почему-то казалось, что история с норвежскими транспортами на смерти Жени не закончилась. Она только начинается, а значит, ещё будут потери, будут – этого не избежать, и каждая новая жертва тяжким камнем ляжет на совести майора Громова, который когда-то сказал «да» вместо того, чтобы сказать «нет».

Константин включил свет. На скромном интерьере командирской «бочки – диогена» лежал характерный отпечаток холостяцкого быта. Взять, например, уют – Наташа никогда не оставила бы его не столе, между электрочайником и тостером. Да что говорить, разве стала бы она гладить форму мужа там же, где он ест?

Громов вспомнил письмо от жены, полученное им три дня назад. Наташа скучает, Кирюша места себе не находит: подай ему папу, и всё тут. Майор тоже скучал по жене и сыну, но привезти их снова сюда не казалось ему хорошей идеей. Хотя и мог уже себе это позволить. Жизнь в части нормализовалась, все долги были выплачены, офицеры получили и «северную» надбавку, и премиальные за «отражение атаки группы неизвестных лиц». Сам себе Громов объяснял своё нежелание выписываться сюда семьёю тем, что приближается зима и полярная ночь, что сыну скоро в школу и нужно дать ему возможность пройти подготовительный этап в нормальном ритме – ещё тысячу причин объяснял. Но одна – самая убедительная, в чём было страшно признаться самому себе – заключалась всё в том же – Громов не мог поверить, что история с транспортами закончилась. И хотя Маканин при последней встрече авторитетно утверждал, что, по данным разведки, мы победили, противник поджал хвост и теперь раз пять подумает прежде, чем начинать военные действия против таких отличных бойцов, Громов продолжал сомневаться. Войну легко развязать, думал Громов, но ой как непросто закончить.

Константин посмотрел на своё отражение в старом мутноватом зеркале, подвешенном над раковиной. Отметил ряд признаков, отнюдь не свидетельствующих о крепком физическом и духовном здоровье: запавшие глаза, бледная кожа, резко очерченные скулы – краше в гроб кладут.

«Если бы меня сейчас видел Фёдор Семёнович, – подумал Громов, – тут и конец моим полётам».

Он провёл рукой по щеке и решил побриться. Бриться в три часа ночи – ещё один нехороший признак, но и появляться в КДП с щетиной на подбородке командир воинской части не имел морального права. А на КДП сходить стоило. Хотя бы для того, чтобы не оставаться наедине со своими мрачными мыслями.

Громов достал из тумбочки станок безопасной бритвы и баллончик с пенкой для бритья. Через полчаса гладко выбритый, подтянутый и пахнувший одеколоном командир воинской части 461-13"бис" входил в помещение КДП, где сидел в ожидании возможной тревоги офицер, занимавший в стартовом наряде должность помощника руководителя полётов. Сегодня этим офицером был Лукашевич.

– Костя? – удивился он, завидев командира. – Не спится, что ли?

– Распустил я вас, – проворчал Громов, подходя и осматриваясь; он снял плащ и фуражку, пригладил волосы. – Совсем страх потеряли!

– В смысле? – не понял намёка Лукашевич.

– Устав когда в последний раз перечитывал? – поинтересовался майор, присаживаясь.

– А, ты про это, – Лукашевич ухмыльнулся. – Не с той ноги встал, Костя?

Громов вздохнул.

– Что читаешь? – спросил он, кивая на томик в твёрдом переплёте, который Лукашевич держал в руках.

– Да так, ерунда всякая. Ребята из техобслуживания дали.

Громов наклонился и отобрал у него книгу:

– Том Клэнси. «Красный шторм». О чём?

– Роман. О третьей мировой войне. СССР против НАТО. Бред редкостный.

– Примеры?

– Пожалуйста, – Лукашевич взял томик, полистал страницы и с выражением зачитал: – «Четвёрка американских „Фантомов“⁴ ожидала истребители в засаде. Секунду спустя восемь ракет «Спарроу» уже пикировали на «Фалькгрэмы».⁵ Теперь Советы обратились в бегство, «МиГ-29» развернулись и на форсаже пошли в Исландию. Один был сбит ракетой, другой повреждён. Весь бой продолжался пять минут». Он хоть раз в справочники заглядывал? – добавил Лукашевич от себя. – «Фантом» против «Двадцать девятого»! Да у «Фантомов» даже скорость предельная ниже на две сотни. Не говоря уже о манёвренности и вооружённости. Завалили бы американцев в минуту.

– Это точно, – согласился Громов.

Они помолчали.

– У тебя ко мне какое-то дело? – полюбопытствовал Лукашевич. – Или просто зашёл посидеть?

– Дело? – Громов потёр переносицу. – Можно сказать и так. Ты фильм «Пираты XX века» помнишь?

– Ещё бы... Восемь раз ходили смотреть, – свою юность Лукашевич всегда вспоминал с удовольствием. – А помнишь, мы ещё поспорили из-за этого финального ляпа.

– Ну ты, допустим, не шибко-то и спорил, – возразил Громов. – А вот Стуколин – да, завёлся с пол-оборота. Но я сейчас не об этом хотел бы поговорить.

– Говори, – Лукашевич изобразил готовность выслушать лучшего друга и командира.

– Помнишь, на чём прокололись пираты в том фильме?

– Они много раз прокалывались...

– Но главный их прокол в том, что они оставили часть команды «Нежина» в живых.

Лукашевич тихо рассмеялся.

---

⁴ «Фантом» («Phantom»), F4 – американский многоцелевой истребитель, производство фирмы «Макдоннелл-Дуглас».

⁵ «Фалькгрэм» («Fulkrum») – по классификации НАТО советский фронтовой истребитель «МиГ-29».

– А ты подумай, Костя, – сказал он, – если бы пираты убили всех «нежинцев», о чём тогда был бы этот фильм?

– Это понятно, – кивнул Громов. – Сюжетообразующий эпизод. Но вот в реальности – в нашей суровой бескомпромиссной реальности – что должны были сделать пираты?

– Расстрелять всех, – не задумываясь, сказал Лукашевич. – До последней поварики. В нашей суровой реальности, – съехидничал он, пародируя майора, – пираты не склонны проявлять гуманизм. А в смерти врага можно быть уверенным, только если видел его труп.

Громов откинулся на спинку стула.

– В самую точку, – произнёс он со странной интонацией.

– К чему ты клонишь, Костя? – спросил Лукашевич встревожено.

– Я жду ответного хода, – объяснил Громов, глядя почему-то в сторону. – Ответного хода наших противников.

– погоди, – встрепенулся Лукашевич. – Уж не хочешь ли ты сказать, что те в «джипе» уцелели? Но это же ерунда, Костя. Прямое попадание «икса» – не шутка. И судебные эксперты подтвердили: трупов в машине было столько, сколько надо – восемь штук – ни трупом больше, ни трупом меньше.

– Нет, – Громов поморщился, – не хочу я этого сказать. И не о группе Мурата речь.

– Мурата? – переспросил Алексей.

– Ах да, ты же не в курсе. Муратом назвался предводитель этой банды. Судя по повадкам, чеченец.

– Ух ты, – выдохнул Лукашевич; он мгновенно возбудился. – Интересная тема. Чеченец по имени Мурат. При чём тут чеченец? Мы же как бы воюем с другими.

– Ты забываешь, что они – единоверцы. Эти узы бывают посильнее кровных. На самом деле, Алексей, мы ведём войну не с какой-то отдельной нацией или народом – мы ведём войну с цельным и неизменяемым мировоззрением. А это всегда война до победного конца, война на полное уничтожение. И ни одна из враждующих сторон не остановится, пока не увидит *все* трупы своих врагов.

Лукашевич, осмысливая услышанное, ответил не сразу. Он понял, что с другом Костей творится неладное. Монолит дал трещину. Что послужило причиной этому? Смерть Жени? Да, другого объяснения быть не может. Майор Громов, которого только полный кретин мог обозвать трусом, боится. Но, конечно, не за себя – он боится за своих солдат, а это очень плохо. Командир не должен бояться потерь – иначе он уже не командир и ему пора в отставку. Увидеть Костю отставником Лукашевичу не хотелось. А значит, нужно как-то на Костю повлиять, показать ему, что все эти метания излишни, что есть простая и понятная цель, ради которой только и стоит жить, работать, драться. Вопрос – *как* это сделать? Не такой человек Костя, чтобы легко переменить точку зрения и успокоиться, если ему сказать, например: «Да брось дурака валять, Костяй, всё обойдётся!» Тут требуется другой подход. И Лукашевичу после пары минут напряжённых раздумий показалось, что он отыскал верное решение внезапно возникшей проблемы.

– Как-то уж очень выпренно у тебя получается, Костя, – заметил он. – Всё гораздо проще. Мы солдаты. И воевать нам придётся с солдатами. Не с идеологами, не с философами, а с такими же солдатами, как мы. А потому мировоззрение и у нас, и у них одинаковое – солдатское. Как бы наши вожди ни выпендривались, какие бы идеи нам ни вкручивали, солдат думает только об одном: поскорее бы эта мясорубка закончилась, живым бы остаться да вернуться домой. Вот и всё мировоззрение. Даже те отморозки на «джипе», как увидели, что дело пахнет жареным, сразу ноги в руки и – привет... Солдат не будет воевать до полного уничтожения – он хочет вернуться домой.

– Ты знаешь, как убили Женю? – спросил вдруг Громов.

Лукашевич осёкся.

– Э-э... подробностей я не знаю.

– В него стреляли несколько раз, – сообщил Громов, отчётливо выговаривая каждое слово. – И он уже был мёртв, когда один из этих, как ты их называешь, «отморозков» подошёл и произвёл контрольный выстрел ему в голову. Это установила экспертиза, и у меня нет причин сомневаться в достоверности её выводов.

– Сволочи! – высказал своё мнение Лукашевич; он сжал кулаки так, что побелели костяшки пальцев. – Правильно я их разделал!

– Вот именно, – Громов с печальным видом кивнул. – Они – контрольный выстрел. Ты – «правильно разделал». Вернуться домой – всё мировоззрение?

Лукашевич понял, что попался. Возразить было нечего.

– Твоя ошибка в том, Алексей, – продолжал Громов, – что ты воспринимаешь мировоззрение как набор идей. Абстрактные идеи действительно плохо воспринимаются рядовым солдатом. Но мировоззрение – это не представление о мире через идеи, это сам мир. Сколь иллюзорным бы он ни казался со стороны, этот мир уже существует. Рядовой солдат всё знает о нём, этот мир снится ему; солдат легко представляет, какое место он займёт в этом мире. Остаётся лишь приложить усилие, не пожалеть ни себя, ни других и *овеществить* этот мир, сделать его единственно реальным. И война мировоззрений – это война миров, Алексей, война за *овеществление*. Мы вступили именно в такую войну и должны быть готовы к тому, что придётся идти до конца, не оставляя живыми врагов за спиной. Потому что именно так будут действовать наши противники... – Громов помолчал. – Это как немецкие нацисты. Берлин лежал в развалинах, был окружён со всех сторон, а они продолжали драться и верили в победу своего мира до последнего...

Лукашевича заело.

– А я слышал, – решился вставить он словечко, – что как раз на фронте с фрицами всегда можно было договориться. Мол, если наступления нет, то зачем нам стрелять друг в друга? Так и высаживали обоймы в белый свет, как в копеечку.

– Легенды, легенды, – пробормотал Громов. – Это ничего не доказывает, Алексей, отклонения всегда бывали и будут, мы же говорим об общем правиле.

Лукашевич подумал, что сейчас самый момент перевести беседу из теоретической плоскости в практическую. В любом другом случае всё запутается ещё больше, и Алексей, неисклющённый в ведении философских диспутов, мог потерять нить, а там пиши пропало.

– Ну хорошо, – сказал он, – ладно. Они, значит, фанатики идеи. Но мы-то, Костя, защищаем Родину. А это будет посильнее всяческих идей, разве нет?

– Пока ещё не защищаем, – резонно заметил Громов. – Пока только грабим чужие транспорты. И провоцируем этим войну.

Лукашевич даже рот открыл от изумления.

«Вона куда он клонит! Запущенный случай, однако!»

– Ты думаешь, Маканин нам врёт?! Думаешь, он всё это придумал, чтобы спровоцировать войну?

– Не знаю, – Громов покачал головой. – Теперь я ни в чём не уверен. У советника Маканина тоже свой мир, он тоже добивается его овеществления, и кто может сказать, кроме самого господина советника, что это за мир и есть ли в нём место для России?

– Так, – сказал Лукашевич. – Тебе не кажется, Костя, что ты перегибаешь палку?

– Смотря какую палку...

– И бежишь впереди поезда.

Громов словно очнулся и озадаченно посмотрел на Лукашевича:

– Какого поезда?

– Всё того же. Проблемы, Костя, надо решать по мере их возникновения. Если будет война, значит, будет война, и мы не самые плохие солдаты в этой овеществлённой реальности. И не думай ты за нас. Мы знали на что шли, когда произносили слова присяги.

– Как у тебя всё просто, – обронил Громов. – «Не думай» – и дело в шляпе.

– А то! – горделиво сказал Лукашевич. – Всё в конце концов образуется, Костя, – Алексей наконец решился употребить этот стандартный фразеологический оборот, а потом добавил классическую, но малоизвестную поговорку, прекрасно зная, что уж она-то должна подействовать на все сто: – «И это тоже пройдёт».⁶

Громов наконец улыбнулся.

– Где вычитал? – поинтересовался он.

– Плохо ты всё-таки знаешь своих друзей, – улыбнулся в ответ Лукашевич.

– Ну что ж, спасибо, Алексей, – поблагодарил Громов. – Если всё обстоит именно так, как ты описываешь, значит, есть у нас надежда.

– Надежда умирает последней! – изрёк Лукашевич очередной общеизвестный афоризм.

– Давай пить чай, – предложил Громов.

– Давай.

Лукашевич долил в стоящий на столе электрочайник воды из трёхлитровой банки, поставил вилку в розетку. Они стали ждать, когда закипит вода.

– Порой мне кажется, что всё это: и то, что с нами уже произошло, и то, что происходит, и то, что ещё произойдёт, – всё это сон, – признался Громов. – Что сейчас проснусь в том пансионате в Прибалтике – помнишь – и мы втроём: я, ты, Лёха – снова пойдём смотреть «Пиратов»... И даже не кажется – я хотел бы, чтобы всё это оказалось сном...

– Знаешь, – задумчиво сказал Лукашевич, – если это сон, то не самый худший сон из всех возможных...

(Мурманская область, октябрь 1998 года)

На этот раз Чёрный Пёс выбрал местом встречи со своим резидентом не цветочный павильон на рынке, а вагон утренней электрички, идущей в пригород. Встреча пришлась на воскресенье, день выдался холодный, а потому половина вагонов была пуста.

Чёрный Пёс появился в предпоследнем от головы электропоезда вагоне, где в полном одиночестве сидел Иван Иванович, через пятнадцать минут после отправления – электричка как раз миновала Колу.

– У вас свободно? – спросил Чёрный Пёс Ивана Ивановича.

Иван Иванович хмуро взглянул на него и ничего не ответил. После того как авантюра Чёрного Пса провалилась и группа Мурата в полном составе погибла, резиденту, лишь приложив отчаянные усилия, удалось спасти от аналогичной участи созданную с таким трудом агентурную сеть. Теперь Иван Иванович ни в грош не ставил своего начальника и думал только об одном: как побыстрее выйти из игры.

Не дождавшись ответа, Чёрный Пёс уселся на скамейку напротив Ивана Ивановича. Начальник военной разведки выглядел как обычно – только набросил сверху на «ветеранский» пиджак простенький и поношенный плащ. Под грохот и лязг вагонов он сообщил подчинённому:

– Мы начинаем новую операцию. Её координация будет осуществляться на самом высоком уровне.

Иван Иванович тяжело вздохнул.

---

⁶ «И это тоже пройдёт» – изречение, выгравированное на кольце царя Соломона; по преданию, изречение оказывало великодушное психотерапевтическое действие на носителя кольца.

«Ещё одна авантюра, – отметил он про себя. – Начальнички!»

– «На самом высоком уровне»? Что это значит?

Чёрный Пёс кивнул. Он ожидал этого вопроса.

– Операцию под условным названием «Снегопад» будет контролировать сам президент.

Лично.

– В этом есть необходимость?

– Да, потому что это первая военная операция на территории противника.

«Это конец, – подумал Иван Иванович. – Из этой авантюры мне живым не выбраться.

Пора рвать когти».

– Восемь дней назад меня пригласил президент, – продолжал Чёрный Пёс. – Во время встречи мы обсудили план операции, этапы и детали её проведения...

На Ивана Ивановича вдруг снизошло озарение, и он словно наяву увидел, как происходила эта историческая встреча.

Белый город под белым солнцем. Улицы выбелены жарой и суховеями. Жалкая растительность чахнет. Редкие прохожие задыхаются, хватают обжигающий воздух широко раскрытыми ртами, пот течёт с них градом. Многочисленные фонтаны не функционируют: в городе введён режим строжайшей экономии электроэнергии; электричество включают только в девять вечера и не больше чем на час, чтобы горожане могли насладиться очередным телевизионным выступлением своего президента, призывающего к новым победам во славу Аллаха и джихада. Старики в традиционных чалмах и халатах сидят в тени, но даже им, родившимся здесь и за сто лет жизни привыкшим и полюбившим климат своей родины, этот сентябрь кажется убийственно жарким – так что и не понятно, удастся ли его пережить.

Во всём этом городе есть только несколько райских уголков, будто бы волей Всевышнего защищённых от адской жары. Один из них, расположенный на восточной окраине и обнесённый высоченным кирпичным забором, называется «Президентским коттеджем» (скромненько, но со вкусом). За забором, еженощно охраняемым лучшими бойцами Национальной гвардии, находится роскошный сад. Холодные капли воды, разбрызгиваемой поливальными установками, оседают на неестественно зелёных мясистых листьях экзотических растений – здесь можно найти и пальму, и секвойю, и гигантское алоэ.

После того как гвардейцы обыщут вас, изымут всё оружие, включая ритуальное, и пропустят на территорию «райского уголка», теряться не следует – идите прямо по подъездной дорожке, и минут через пять вы окажетесь перед роскошным трёхэтажным особняком, построенном в псевдовосточном архитектурном стиле: с высоким цоколем, узкими окнами, башенками-минаретами по углам, с большим количеством куполов и высокими колоннами перед входом. Здесь вас встретит кто-нибудь из obsługi, но проводит не в здание, как того следовало бы ожидать, а на лужайку за особняком, где над бассейном с чистой проточной водой восседает в шезлонге голый, мокрый и одышливый президент этой страны. Возможно, он уже принимает гостя – возможно, это будет старик, ничем не примечательный, один из великого множества стариков-аксакалов, восседающих на улице в жаркой тени. Если вы начальник службы безопасности, или главнокомандующий вооружёнными силами Республики, или министр внутренних дел, вас, скорее всего, не погонят дожидаться своей очереди в сторонке, а позволят присутствовать при разговоре президента с этим загадочным «аксакалом». Разговор будет долгим и эмоционально насыщенным. Речь пойдёт об операции «Снегопад».

«Меня не интересует, что ты думаешь по этому поводу, – будет говорить президент таким тоном, будто перед ним не убелённый сединами муж, а неразумный юнец, которому нельзя пока доверить ни стадо, ни саблю, ни винтовку. – Если бы мы собирались только мстить, я никогда не дал бы „добро“ на проведение этой операции».

Президент – из старых партработников, номенклатурный чиновник районного масштаба. В его речи до сих пор проскакивают словечки и целые фразеологические обороты, доставшиеся

в наследство от славного советского прошлого. «Дать добро», «прийти к консенсусу», «показать кузькину мать» – какие слова, какие воспоминания!

«Если не месть, то что нами движет?» – спросит старик; он спокойно отреагирует на оскорбительный тон президента, при его работе приходится выслушивать и не такое.

«Нами движет война! – ответит президент, как отрежет. – Мы начинаем большую войну, акция в Заполярье – первый бой этой войны. И что я вижу? Первый бой нами проигран. Русские уничтожили отряд отличных бойцов, играючи, без единой потери».

«По нашим данным, потери у русских были», – сообщит старик.

«Потери?.. Один человек, да и тот сержант. Если в большой войне будет такое же соотношение потерь, нашу армию истребят за три дня».

«Группа Мурата действовала необдуманно, – попытается оправдаться старик. – Она пренебрегла основными правилами проведения диверсионных акций. Из этого следует извлечь урок. Новая группа будет снабжена всем необходимым; действовать она будет ночью, скрытно и внезапно. В этом случае соотношение потерь будет совсем другим».

«Нет! – воскликнет президент и хлопнет себя по голому колену. – Я сказал, больше никаких скрытных акций. Мы уничтожим эту долбаную воинскую часть! Но мы сделаем это открыто, в честном бою. У них есть истребители. Что ж, у нас тоже есть истребители. И наши пилоты ничем не хуже русских пилотов! Мы докажем это!»

«Война – далеко не всегда открытый бой, – заметит старик. – Война – это и хитрость, война – это и манёвр. Для того чтобы на равных сражаться с русскими, нам придётся построить в Заполярье свою собственную военную базу. Истребитель – не трактор. Ему недостаточно одного керосина – требуется взлётно-посадочная полоса, специальные команды технического обслуживания...»

«Я знаю это без тебя, – оборвёт старика президент. – Да, это будет стоить денег. Но война всегда стоила денег. И не о деньгах нам следует думать, начиная нашу войну».

Старик не сумеет найти достойного ответа. Он предпочтёт молча отхлебнуть шербета из запотевшего бокала в ожидании продолжения. Президент не заставит его долго ждать.

«Это дело чести, – скажет президент. – Захватив наши грузы, уничтожив группу Мурата, русские бросили нам вызов. Ответить на него – дело чести каждого из нас».

«Но неужели нет другого способа ответить на вызов? – спросит старик. – Допустимо ли в преддверии войны ослаблять нашу армию переводом части её сил в Заполярье, на вражескую территорию, где мы не сможем оказать нашим солдатам полноценную поддержку?»

Президент усмехнётся.

«Ты ищешь рациональное оправдание операции „Снегопад“? Что ж, вот тебе оправдание. Заполярье станет полигоном будущей войны. Мы должны убедиться, что наши войска способны вести боевые действия с применением современной техники. Если операция провалится, значит, начинать войну рано; значит, мы к ней не готовы. Поэтому операция „Снегопад“ не должна провалиться! Мы покажем русским кузькину мать!»

Из краткого пересказа этого диалога Иван Иванович уяснил две вещи: президент его родной страны окончательно сбрендил, и Чёрному Псу план операции «Снегопад» нравится ничуть не больше, чем самому Ивану Ивановичу.

– В чём заключается наша задача? – поинтересовался резидент без малейших признаков энтузиазма.

– Мы должны обеспечить агентурную поддержку операции, – отозвался Чёрный Пёс. – У нас есть два месяца. За этот срок нам необходимо узнать о противнике всё: количество единиц техники, численность рядового и офицерского состава, порядок несения боевого дежурства, биографические данные командира и его заместителей.

– Прошу прощения, – сказал Иван Иванович, – речь всё ещё идёт о воинской части номер 461-13"бис"?

– Да, – подтвердил Чёрный Пёс, не уловив иронии, заключённой в вопросе Ивана Ивановича.

– А как быть с другими подразделениями? Военная часть 461-13"бис" не в вакууме находится; в случае чего ей будет оказана поддержка всеми силами, сосредоточенными в Заполярье. Одна военная база против объединённой мощи северо-западной группировки войск – какого результата ждёт президент?

– Вакуум можно создать искусственно, – сообщил Чёрный Пёс с таким видом, будто сделал открытие, которое можно с ходу выдвигать на присуждение Нобелевской премии. – Достаточно обрезать связующие линии, и общая картина сразу изменится. Но этим будут заниматься другие. В твою задачу входит только добывание информации.

Чёрный Пёс выделил слово «твою» интонацией, подчёркивая тем самым, что его, Чёрного Пса, задачи намного шире. Иван Иванович воспринял последнюю фразу с заметным облегчением: с него снималась изрядная доля ответственности, и он это только приветствовал.

– Я готов приступить к выполнению задания! – сказал резидент.

(Пансионат «Полярный круг», Мурманская область, октябрь 1998 года)

– И сколько нам ждать? – подзуживал советник Маканин полковника Зартайского.

Тот глубокомысленно морщил лоб, пожёвывал своими тонкими бледными губами, но ничего не отвечал.

Маканин подмигнул Фокину и продолжил измывательство:

– А если «два» в «гору» записать?

– Будете перемигиваться, я вам «четыре» в «гору» запишу. Каждому! – пообещал Зартайский сердито. – Девять бубей! – объявил он наконец.

– Ого! – Маканин заглянул в свои карты. – Круто берёшь, полковник.

– Беру, как умею.

– Тогда пас.

Они посмотрели на Фокина. Лейтенант ФСБ Владимир Фокин хитровато улыбнулся.

– Падаю, – проинформировал он партнёров по игре.

Зартайский разочарованно крякнул.

– Вот так всегда, – заворчал он. – Только начнёт фартить...

С выражением сильнейшей досады на лице он швырнул свою часть колоды на стол – карты легли веером. Маканин же заметно оживился и потёр руки.

– Ещё не всё потеряно, полковник, – приободрил он. – Сейчас мы опустим молодого наглеца.

– По этому поводу есть изумительный анекдот, – сообщил Фокин. – Из фольклора преферансистов. Рассказать?

– Прикуп вскрывай, – потребовал Маканин сурово.

– Пожалуйста.

– Чтоб тебе два туза выпало! – в сердцах пожелал Фокину расстроенный Зартайский.

Но два туза, что при игре на мизере смерти подобно, Фокину не выпали. В прикупе лежали дама трёф и семёрка пик. Зартайский расстроился ещё больше.

– Ну давай рассказывай свой анекдот, – попросил он. – Раз уж мне не везёт сегодня, хоть скрасим вечер хорошей шуткой.

– Приходит как-то Вовочка в школу, – начал Фокин, перебирая в руках свои карты. – С фингалом под глазом. Учительница сразу захопотала: «Что случилось, Вовочка?». Он ей и говорит: «Встал утром, на кухню вышел, а там отец с двумя приятелями в карты играют. Я у отца спрашиваю: „Который час?“, он мне отвечает: „Девять“, а эти двое как заорут: „Вист! Вист!“»

Маканин засмеялся.

– В самую точку, – одобрил он.

– Кому в точку, а кому по точке, – буркнул Зартайский; его анекдот почему-то не расмешил. – Карты сбросил?

Фокин отделил две карты и положил их на стол «рубашкой» кверху:

– Готово.

– Вскрываемся, – объявил Маканин.

Они с Зартайским вскрыли свои карты и некоторое время молча изучали расклад.

– Даму и короля он снёс, – предположил Зартайский после естественной паузы. – «Чистая» игра.

– Под пики не сунется? – Маканин прищурил один глаз.

Полковник покачал головой.

– Нету тут «паровозика», – подытожил он. – «Чистая» игра.

Маканин опустил руку и смешал карты. Фокин изобразил лёгкое разочарование: мол, слабы старички – даже сыграть не попробовали.

– Раздавай, – приказал ему Маканин, а сам потянулся за сигарами.

– Что у нас с «Испаньолой»? – как бы между прочим поинтересовался Зартайский; он в свою очередь взялся за остывший заварочный чайник с намерением добавить себе чайку.

– А что у нас с «Испаньолой»? – Маканин пожал плечами. – Операция в целом прошла успешно. Переброска грузов прекращена. Наши «друзья», – тут господин советник хмыкнул, – с Кавказа не сумели убедить наших «друзей» из Северо-Атлантического блока, что грузы исчезают по нашей вине, а не согласно их хитроумному плану быстрого сбыта дармовой амуниции.

– Помнится, мы ожидали активизации деятельности их резидентуры в Заполярье...

– Что скажешь, Владимир? – обратился господин советник к Фокину. – Наблюдается активизация?

– Пока нет, – отвечал лейтенант, тасуя колоду. – А может, и не будет наблюдаться. Мы надеемся, что эта их безумная выходка с нападением на часть обошлась им дороже, чем они рассчитывали. Они обескровлены и вряд ли пойдут на что-нибудь серьёзное. По крайней мере, в ближайшее время.

– А если нам только кажется, что они обескровлены? – намекнул Зартайский.

– Москве что-то известно? – быстро спросил Фокин. – Что-то такое, что неизвестно нам?

Зартайский дал ответ не сразу. Было видно, что он колеблется, то ли не зная, что можно сказать, а что нельзя, то ли не зная, как сказать.

– Их президент был в ярости, – сообщил он в конце концов.

– Ещё бы, – Фокин ухмыльнулся. – Окажись я на его месте...

– И он встречался с начальником военной разведки.

– С Чёрным Псом? – встрепнулся Маканин.

– Да. И по нашим данным, речь шла о Заполярье и перехваченных «Геркулесах».

– Ну и что? – возразил Фокин. – Что они могут сделать?

– Ну, например, они могут попытаться вычислить организаторов, – предположил Маканин. – И попытаются ликвидировать их. В порядке индивидуального террора.

– Что ж, пускай попробуют, – теперь улыбка на лице Фокина стала угрожающей. – А мы посмотрим.

– Как ты легко об этом говоришь, лейтенант, – заметил Зартайский неодобрительно. – Война ещё не закончилась, а эти способны на любую мерзость.

– Справимся, товарищ полковник, – Фокин стоял на своём, – не таких обламывали...

– Ну тогда сдавай, – потребовал Маканин. – И хватит о делах.

Лейтенант начал сдавать карты. Ни один из этих троих и предположить не мог, что это их последняя совместная игра.

(Мыс Святой Нос, октябрь 1998 года)

Аэродром на Святом Носу был построен в 1943 году. Взлётно-посадочная полоса длиной в триста метров, два дощатых ангара, три вагончика для личного состава, капониры, зенитная установка – вот и всё хозяйство. Здесь базировались знаменитые торпедоносцы «Бостон», они патрулировали вход в Белое море, охотились на немецкие субмарины и катера, иногда осуществляли воздушную поддержку караванов.

По окончании войны аэродром оказался не востребовавшимся. Торпедоносцы были разобраны и отправлены в Мурманск, оборудование демонтировано. Всё быстро пришло в запустение. И лишь перелётные птицы: гуси, лебеди, утки – навещали Святой Нос, помечая белым помётом его чёрные камни. Так продолжалось до октября 1998 года, когда на мысу снова появились люди.

Сначала это была группа из восьми человек – молодые жизнерадостные ребята, говорливые и легкомысленные. Днём они с использованием хитроумных оптических приборов проводили картографирование местности, вечерами – пили водочку у костра и орали альпинистские песни под гитару: «Если друг оказался вдруг и не друг, и не враг, а так...». Через пять дней, закончив работы, они покинули этот забытый Богом уголок.

Миновали ещё две недели, и к мысу Святой Нос со стороны Баренцева моря подошёл ракетный крейсер под индийским военно-морским флагом, но с арабским названием «ал-Бурак».⁷ Когда-то этот крейсер, сошедший со стапелей Ленинградского судостроительного завода, носил гордое имя адмирала Льва Владимировского и входил в состав эскадры Черноморского флота. За два года до описываемых событий крейсер был признан устаревшим, списан и передан в дар дружественной Индии. До тенистых берегов Индии он не добрался – где-то на подходах к Суэцкому каналу на нём полностью сменилась команда, надпись «Адмирал Владимирский» была закрашена, и крейсер отправился через Средиземное море в Атлантику.

Дальнейший его маршрут сокрыт мраком тайны. Но вот в конце октября 98-го года ракетный крейсер «ал-Бурак» появился у мыса Святой Нос. С его борта поднялся вертолёт, который доставил на старый, заброшенный аэродром три десятка человек. Новоприбывшие тут же развили кипучую деятельность. Они возвели временные ангары для строительной техники. Сама техника была доставлена с материка транспортными вертолётами. Взлётно-посадочную полосу восстановили, подравняли, удлиннили до километра. Тут же были сооружены бункер для персонала, склад для оружия и резервуары для топлива.

По окончании подготовительных работ на мыс доставили семь боевых самолётов: шесть «МиГ-25РБ» и один «Су-27». Обслуживающий персонал поглядывает на последнюю из названных машин со смесью страха и благоговения. Она обращает на себя внимание хотя бы уже тем, что её фюзеляж и крылья выкрашены в идеально чёрный цвет.

---

⁷ Ал-Бурак – букв.: молния.

Глава вторая Богатые тоже плачут

(Санкт-Петербург, октябрь 1998 года)

На встречу поехали втроём: Стриженный, стрелок-водитель Олег и Гера Стаханов, известный в определённых кругах под кличкой Ударник. Можно было взять и побольше народу, но Стриженный не видел в предстоящей встрече никакой опасности, а потому ограничился минимумом.

И в самом деле причин для беспокойства не было: встреча назначена благожелательным тоном, в одном из лучших ресторанов Петербурга и человеком, которого Стриженный хорошо знал и который сам хорошо знал Стриженого. Возможно, возникло некое недоразумение, требующее для своего урегулирования непосредственного участия Павла Стрижельчика. Скорее всего, так оно и есть. Стриженный, конечно, хотел бы знать точно, зачем его вызывает Джафар, но такие вещи не обсуждаются по телефону, а официального курьера лидер крупнейшей азербайджанской группировки не прислал. Да, дело, видно, выведенного яйца не стоит. Иначе без курьера не обошлось бы.

Однако уверенность уверенностью, но свой ТТ Павел всё-таки прихватил, спрятав его в кобуру под левую мышку. К сожалению, пистолет ему не помог.

В шесть часов вечера «джип» Стриженого припарковался на платной автостоянке, расположенной на берегу Невы, в двух шагах от плавучего ресторана «Варяг». Из автомобиля вышли все трое, но, пройдя по трапу в ресторан, они разделились: Стриженный, кивнув метродотелю, направился напрямик в отдельную кабину, где его ждал Джафар, а Олег и Ударник остались в зале, профессионально «срисовав» телохранителей Джафара и заказав себе по кружечке тёмного пива. Назад, к автомобилю, никто из них не вернулся. Лишь следующим утром на стоянке появится молодой смуглый человек. Посвистывая, он с непринуждённым видом подойдёт к «джипу», достанет из кармана связку ключи, сядет за руль и уведёт автомобиль в неизвестном направлении. В гараже на Парнасе у «джипа» сменят номера и отправят транзитом в Узбекистан.

Но это будет завтра, а сегодня Джафар угощал Стриженого жирным пловом из молодого барашка и вёл светскую беседу. Стриженный изучил в своё время привычки Джафара, а потому не смел торопить его, вежливо отвечая на все вопросы.

Наконец ужин подошёл к концу, Джафар омыл руки в специальной жидкости; официант принёс джезvu с кофе. Можно было переходить к делу. Пригубив кофе, Стриженный посмотрел на Джафара. Тот выглядел как обычно – высокий, худой, с лицом, прорезанным глубокими морщинами, с глазами задумчивыми и взглядом отстранённым, словно не от мира сего. Но эта отстранённость не могла обмануть Стриженого – его личная разведка собрала на Джафара обширное досье, кое-какую информацию подбросил Куратор – Джафар был очень опасен, за ним стояли серьёзные люди, и ссориться с ним Стриженный не порекомендовал бы никому. Он сам предпочитал не ссориться.

– У меня есть к тебе несколько вопросов, Павел, – начал Джафар; по-русски он говорил практически без акцента.

– Я готов ответить на любой из них.

– Это хорошо, – отметил Джафар. – Мы друзья, Павел, и между нами не должно быть конфликтов. А если вдруг случается конфликт, мы должны его улаживать.

– Я полностью с тобой согласен, Джафар, – сказал Стриженный, который Дейла Карнеги читал и старался следовать его советам, особенно при общении с такими опасными людьми, как этот азербайджанец.

Джафар покивал удовлетворённо.

– Ты торгуешь военной амуницией? – задал он первый за сегодня по-настоящему серьёзный вопрос.

Стриженный почувствовал беспокойство. Он действительно довольно быстро сбыл полученную им натовскую амуницию оптовикам с рынков в Апраксином дворе и Автово, но сделку проводил через третьих лиц и не думал, что его так быстро вычислят. Эх, ну почему этот лейтенант оказался таким несговорчивым? Да и Куратор мог быть пооткровеннее. Стриженому катастрофически не хватало информации о деле с норвежскими транспортами, и он боялся допустить непоправимую ошибку. Он правильно боялся.

Отпираться не имело смысла: Джафар наверняка запасся неопровержимыми доказательствами причастности группировки Стриженого к сделке. Павел выбрал другую тактику.

– Амуницией? – Стриженный изобразил секундное замешательство. – А, ну да... Было такое... Провернул одно дельце по случаю. Но почему это тебя интересует, Джафар? Если ты решил заняться торговлей военными побрякушками, я с радостью уступлю тебе место на этом рынке. Меня, ты знаешь, подобный товар мало интересует.

– Я не услышал ответа на свой вопрос, – напомнил Джафар.

Ну, Карнеги, не подведи!

– А что ты хочешь услышать? – Стриженный напялил на себя маску недалёкого малого.

– Не шути со мной, Павел, – предупредил Джафар сурово. – Ты знаешь, что я хочу услышать.

Стриженный очень убедительно захлопал глазами. Ничего другого ему не оставалось. Эх, лейтенант, подставили вы меня...

– Да ерундовая сделка-то, Джафар. Навару – мизер. Нервотрёпки больше. Пришли какие-то тюки. Я один распорол, глянул – там камуфляж и ботинки. Это, говорю, ребята, на Апрашке сбыть можно. Так и порешили.

– От кого поступил товар?

Джафар шёл на нарушение неписаных правил. Он не имел права спрашивать о поставщиках Стриженого, однако спросил. Стриженный заёрзал, но спохватился и взял себя в руки.

– От дилеров, что на Польшу завязаны, – ответил он осторожно.

– Ты говоришь правду?

– Мамой клянусь. А что случилось-то, Джафар? Если я перебежал кому дорогу, то готов компенсировать.

– Компенсировать? – Джафар внимательно разглядывал Стриженого.

– Да, – подтвердил Стриженный. – Сколько?

Он даже похлопал себя по карманам, как бы намекая, что уверен: сумма компенсации не так велика, чтобы не обнаружиться в кошельке с наличностью.

– Забавно, – проговорил Джафар с непонятной интонацией. – А что ты скажешь, если узнаешь, что компенсировать придётся кровью?

Стриженный переменялся в лице.

– Это шутка, Джафар? – спросил он, чувствуя приближающуюся панику. – Ты шутишь?

– Я никогда не шучу с такими вещами, – сказал Джафар спокойно.

Стриженный вскочил:

– Надеюсь, ты понимаешь, Джафар, что за базар придётся ответить?

Павел по-настоящему запаниковал, а потому прибег к крайнему, но испытанному средству – «разводу по понятиям».

Джафара это не остановило.

– Вещи, которыми ты торговал, были украдены, – пояснил азербайджанец. – Затронуты интересы очень хороших людей, моих друзей. Можно сказать, что ты нанёс им смертельное оскорбление. Такое смывается только кровью.

– Джафар! – закричал Стриженный. – Да я-то тут при чём? Мне откуда было знать, что вещи ворованные? Дилеры их привезли – с них и спрос.

Тут он вспомнил, что никаких дилеров в реальности не существует, и прикусил язык.

– При чём тут ты? – Джафар изогнул бровь. – Откуда тебе было знать?.. Хорошо, Павел, допустим, ты ничего не знал, и во всём виноваты твои польские дилеры...

– Именно так, – Стриженный истошно закивал.

– ...Тогда как ты объяснишь вот это?

Джафар швырнул на стол пачку цветных фотографий. Они разлетелись веером, но Стриженный не стал собирать их. Ему хватило беглого взгляда, чтобы понять: живым его отсюда Джафар не выпустит... Или попробует не выпустить.

Одним движением Павел выхватил пистолет и наставил его на Джафара.

– Поймал меня? – сказал Стриженный, криво усмехаясь.

Джафар сидел неподвижно. Взгляд его оставался отстранённым. Словно и не было пистолета, нацеленного прямо в лицо.

– Встать! – рявкнул Стриженный.

Джафар поднялся. Он ничего не сказал при этом – всё уже было сказано.

– Ты сможешь мне выйти отсюда, – решительно заявил Стриженный.

Он шагнул к Джафору, свободной рукой обхватил его за плечи, ткнул стволом ТТ в бок:

– Пошли.

Стриженный толкнул дверь, и они оказались в общем зале.

А там вовсю шла потасовка. Олега видно не было. (В этот момент стрелок-водитель Стриженого уже лежал в углу с проломленной головой.) Зато Ударник буйствовал вовсю. С рёвом он сметал столики, пытаясь стряхнуть с себя двоих телохранителей Джафара, норовящих повалить его на пол и заломить руки. Ресторанные работники взирали на происходящее с неммым ужасом, но милицию вызывать никто, судя по всему, не собирался.

– Всех замочу! – взрёвывал Ударник. – Ах вы, твари, всех замочу!

Численный перевес был на стороне людей Джафара: справа и слева заходили ещё двое – у этих в руках были дубинки. Раньше или позже Ударник ослабнет, и тогда его дождут. Но Стриженный не собирался бросать своего человека на растерзание этим подонкам. Он поднял руку с пистолетом и произвёл два выстрела в потолок. Безобразная драка мгновенно прекратилась. Охранники откатились, а Ударник развернулся и улыбнулся Стриженому окровавленным ртом.

– Спасибо, шеф, – только и успел сказать он.

Тех нескольких секунд, которые понадобились Стриженому на демонстрацию своей щепетильности в вопросе ответственности начальника за подчинённых, Джафору хватило на то, чтобы извлечь спрятанный в рукаве стилет и вонзить его в живот Стриженому чуть ниже пупка.

* * *

Через пять дней после побоища в зале плавучего ресторана «Варяг» два бомжа, промышленные на помойке у пригородной станции Кавголово, отрыли в куче мусора три обезображенных тела. Оpoznать (по отпечаткам) удалось только одно из них: Павел Стрижельчик фигурировал в базе данных ГУВД «Досье». Патологоанатомы установили, что колющая рана на животе, нанесённая Павлу Стрижельчику, не являлась смертельной. Более того, ему была оказана вполне профессиональная медицинская помощь. Однако сразу после этого Стрижельчику

были нанесены новые и очень болезненные ранения. В частности, на теле обнаружили следы точечных ожогов, ногти были выдраны с мясом, раздроблены коленные чашечки, выдавлен правый глаз. Заключение экспертов было единодушным и категорическим: Павла Стрижельчика пытали.

Впрочем, и пытки не стали причиной его смерти. Все трое: и Стрижельчик и двое неопознанных – умерли одинаково – от девятимиллиметровой пистолетной пули, выпущенной в затылок с близкого расстояния.

* * *

Зверское убийство Павла Стрижельчика и двух его телохранителей никогда не было раскрыто. Как и другое тяжкое преступление, произошедшее днём позже, но не попавшее в оперативную сводку УВД Санкт-Петербурга. На этот раз жертвой неизвестных убийц стал подполковник ФСБ Григорий Анатольевич Миронов. Так же, как и в случае со Стрижельчиком, на теле подполковника были обнаружены следы пыток. Поскольку расследование этих двух убийств велось разными ведомствами, никто их не сопоставил и не увидел связи. Тем не менее связь была, потому что Павел Стрижельчик хорошо знал подполковника Григория Миронова. Правда, под псевдонимом Куратор.

(Мурманск, октябрь 1998 года)

Аслан появился в Мурманске девятнадцатого октября. Он прилетел на «Ту-154» из Москвы, рейс 2339, время прибытия 12:40. Добравшись до города на такси, он поселился в гостинице «Полярные зори», что на улице Книповича, и два дня потратил на осмотр городских достопримечательностей. По крайней мере, так это выглядело со стороны. На самом деле Аслан изучал маршруты и график перемещений высокопоставленного чиновника мурманской администрации Льва Максимовича Маканина.

Результаты наблюдений его полностью удовлетворили. В маршрутах господина Маканина наличествовало несколько отрезков, не прикрытых охраной, – по всей видимости, господин Маканин считал себя «крутым» и частенько сам подставлялся. Аслана это устраивало. Программу-минимум он сможет выполнить без малейших проблем. Однако задание, полученное им шесть дней назад, включало в себя не только программу-минимум. И как быть с условием, обязательным для выполнения программы-максимум, Аслан пока не знал.

Решение пришло с неожиданной стороны. Наблюдая как-то сквозь витрину магазина «Детский мир» за выгружающимися из «мерседеса» телохранителями Маканина (господин советник по вечерам закупал здесь новые игрушки для внука), Аслан заприметил знакомое лицо. Сначала он подумал, что перед ним просто очень похожий человек, но, понаблюдав ещё, пришёл к выводу: нет, это именно Валька Кагарлицкий, бывший лейтенант воздушно-десантных войск, под началом которого Аслан когда-то проходил срочную службу в рядах Советской Армии. Это была удача. План дальнейших действий созрел сам собой.

Маканин в сопровождении Кагарлицкого и двух телохранителей шёл вдоль прилавков, выбирая игрушку, и Аслан, точно рассчитав время и место встречи, двинулся им наперерез. Он задел Вальку плечом, тот буркнул привычно: «Извините», но глаза поднял, и взгляды их встретились.

– Валька! Кагарлицкий! – закричал Аслан радостно. – Ну здравствуй, товарищ лейтенант.

Вся четвёрка приостановилась. Кагарлицкий смотрел непонимающе, потом лицо его осветилось.

– Аслан! – закричал он в ответ. – Чахкиев! Ну здравствуй, сержант!

Они обнялись. Маканин, стоя в сторонке, с любопытством наблюдал за этой сценой.

– Старый друг? – поинтересовался он.

Кагарлицкий спохватился.

– Извини, Аслан, я, понимаешь, на работе. А это мой шеф, – он обернулся к господину советнику, – Лев Максимович.

Тут Кагарлицкий замешкался, но, видя, что Маканин настроен доброжелательно, представил ему Аслана:

– Мой старый приятель и сослуживец. Аслан Чахкиев. Сержант ВДВ.

– Очень приятно, – господин советник с улыбочкой протянул Аслану руку. – Надолго в Мурманск?

Аслан пожал плечами:

– Может быть, навсегда.

– Что ж, желаю удачи, – Маканин кивнул, прощаясь, и двинулся дальше по магазину; охранники поспешили за ним.

Кагарлицкий посмотрел им вслед и заторопился.

– Вот возьми, сержант, – он сунул Аслану в руку свою визитную карточку с золотым обрезом. – Звякни вечером, после восьми – встретимся, попьём водочки, вспомним прошлые денёчки. А сейчас мне работать надо.

– Да я понимаю, – Аслан изобразил сочувствие.

– Ну я побежал, – сказал Кагарлицкий. – Не пропадай, сержант.

– Не пропаду, – пообещал Аслан.

«Пропадать» действительно не входило в его планы.

* * *

О дне сегодняшнем заговорили только после того, как почти вся водка была выпита, почти все деликатесы съедены, а дело шло к полуночи, и жена Кагарлицкого, Ольга, поначалу гостеприимная, пару раз намекнула, что пора бы и закругляться.

– Так ты в Мурманске надолго? – спросил Кагарлицкий.

Он фактически повторил вопрос своего шефа, заданный несколько часов назад, хотя, разумеется, знал на него ответ. Аслан тоже не стал оригинальничать.

– Пока не знаю, – ответил он. – Но город мне нравится. Может быть, останусь. Может быть, нет.

– А что тебя смущает? Оставайся.

– Работа. Как и везде, у вас безработица.

– А что ты умеешь? – поинтересовался Валентин, разливая остатки водки «Смирнофф» по хрустальным рюмкам.

– То же, что и ты, – Аслан усмехнулся. – Стрелять и подставлять грудь.

– Телохранилитель? – уточнил Кагарлицкий. – М-да... Ну, конечно, я мог бы похлопотать за тебя перед Львом Максимовичем – всё-таки я у него заместитель – но, понимаешь, на этом рынке труда вакансий практически не осталось. Брать на работу тебя – значит, кого-то увольнять, а случайных людей у нас не бывает, все поступали по рекомендации, так что...

– Понимаю, – Аслан вздохнул. – Делать нечего, придётся самому искать...

– Ты уж извини, – Кагарлицкий прятал глаза, – но свободных вакансий действительно нет. Но если вдруг появятся, я тебе сразу звякну. Ты где остановился?

– В «Полярных зорях», сто двенадцатый номер.

– Ага, сейчас запишу, – Кагарлицкий полез за блокнотом, долго искал его, нашёл, полистал, записал. – Гостиница «Полярные зори»... Номер сто двенадцать... Аслан... Слушай, Аслан, так тебе, наверно, деньги нужны? Ты скажи, не стесняйся – проспонсируем. Когда встанешь на ноги, отдашь...

– Спасибо, – ответил Аслан. – Деньги у меня пока есть. Давай лучше выпьем. За тех, кто в сапогах!

Они допили водку, и Аслан посмотрел на часы.

– Пора бежать, – сказал он с искренним сожалением. – Но предложение твоё я запомнил. Если вакансия освободится, звони.

– Конечно, Аслан, какие вопросы? Я тебя в деле видел и завсегда поручусь.

Они сердечно распрощались. Аслан ушёл, зная, что скоро вернётся. Он не собирался ждать милостей от природы. Если нет свободных вакансий – значит, нужно сделать так, чтобы они появились.

* * *

Петра Акимова он выбрал неслучайно. Этот парень производил впечатление недалёкого малого с большими амбициями и предсказуемыми желаниями. Впрочем, Аслан понимал, что первое впечатление бывает обманчивым, а потому для начала решил познакомиться с кандидатом «на выбывание» поближе.

Знакомство состоялось в стенах ресторана «Айсберг». Здесь Акимов ужинал – иногда один, чаще – с девочкой, «снятой» тут же на улице. На этот раз девочку Акимову поставил не кто иной, как Аслан Чахкиев. В нужный момент она должна была без скандала покинуть тёплую компанию, и Аслан не мог полагаться на случай, потому выплатил ей гонорар заранее и сполна. Девочка легко согласилась на поставленное условие, тем более что ей это было выгодно.

Когда парочка в составе Акимова и девчонки расположилась за столиком, и ничего не подозревающий Пётр принял на грудь первые сто грамм, Аслан, сидевший в глубине зала, подозвал к себе официанта и попросил его отправить бутылку наилучшего шампанского «во-он тем ребятам». Официант услужливо поклонился, и через минуту бутылка «Вдовы Клико» уже стояла на столике, за которым сидел Акимов. Тот, конечно, удивился.

– От кого? – спросил он у официанта, цепко ухватив его за рукав.

Официант указал на Аслана. Заметив, что привлёк всеобщее внимание, Аслан встал и подошёл к столику Акимова.

– Это я прислал шампанское, – сообщил он.

Акимов оценивающе оглядел его.

– Спасибо, – поблагодарил Акимов. – Но в чём прикол?

Аслан улыбнулся.

– Мне понравилась ваша жена, – объяснил он.

– Жена?! – Акимов захохотал. – Садись, друг, – предложил он.

Поблагодарив, Аслан сел за столик. Всё шло по плану. Акимов был расслаблен после долгого рабочего дня в охране городской администрации и утратил бдительность.

Познакомились (Аслан назвался другим именем и представился как частный предприниматель), выпили за знакомство.

– Не жена она мне, – проинформировал Акимов, юмористически подмигивая. – Нравится? Забирай. Я себе другую кралю найду – вечер длинный. А то хочешь, на пару её попользуем? Групповушку, а?

Девочка опустила глаза и густо покраснела.

– Да ладно тебе, – сказал ей Акимов. – Не изображай целку. Ну так что, согласен на групповуху? – снова обратился он к Аслану.

– Почему нет? – сдержанно отвечал тот.

Тем временем принесли горячее. Официант быстро сориентировался и пересервировал столик. А Аслан не забывал подливать.

– Ты кавказец? – спросил его Акимов; он несколько ословел, и даже горячее мясо с большим количеством специй не могло поправить положение.

Аслан отнекиваться не стал.

– Люблю кавказцев, – сообщил Акимов доверительно. – Никто вас не любит, а я люблю. За широту вашу, за умение красиво жить. Вот мы, русские, разве умеем? – спросил он, с вызовом оглядываясь вокруг, словно рассчитывая найти среди посетителей русофила-оппонента и тут же дать ему в зубы. – Ничего не умеем, – подытожил он, не встретив возражений с чьей-либо стороны. – Гостей принимать не умеем, гулять не умеем, пить даже не умеем – только напиваться.

Элитное шампанское давно закончилось, и Акимов налегал на водочку. Аслан понял, что наступил решающий момент. Исподтишка он сделал девице знак удалиться, и та, извинившись, отправилась в сторону дамской комнаты. Акимов отвлекся, наблюдая её уход, и Аслан сыпанул ему клофелина в рюмку. Засёк время. Через десять минут Акимов должен был вырубиться.

Так и произошло. Взгляд Акимова остановился, глаза закатились, и он откинулся на спинку кресла. Аслан изобразил весёлое недоумение по поводу внезапной слабости собутыльника, расплатился с официантом и буквально выволок Акимова из ресторана. Девица, как и было обговорено, больше не показывалась. Зато нарисовались два милиционера, и Аслану пришлось остановиться и лезть за кошельком. Получив мзду, стражи порядка пожелали спокойной ночи, и Аслан в обнимку с похрапывающим Акимовым двинулся к автомобильной стоянке. Машину Акимова он, разумеется, знал и нашёл очень быстро. Вытащить ключ из кармана собутыльника также не составило труда.

Аслан сел за руль, а Акимова посадил рядом, пристегнув привязным ремнём. Теперь нужно было подготовить машину. Проехав почти через весь город, с севера на юг, Аслан добрался до Ледового озера. Здесь на автозаправочной станции он наполнил бензобак и в дополнение купил ещё канистру. С полчаса покружив по Мурманску, Аслан отыскал тёмный переулочек, остановил автомобиль, достал канистру и обильно полил бензином кресла и диван. Плеснул он и на похрапывающего Акимова.

Закончив с этим делом, Аслан осторожно выехал из переулка и повёл машину по Кольскому проспекту, где есть довольно опасный участок – дорога идёт как бы по склону сопки: с одной стороны – гранитная возвышенность, на которой прилепились многоэтажные дома «брежневской» постройки, с другой – резкий спуск в заболоченную низину – часть так называемой Долины Уюта. То, что собирался сделать Аслан, было рискованным предприятием, но бывший сержант ВДВ любил риск. Когда до Долины Уюта оставалось менее ста метров, Аслан отстегнул Акимова, приоткрыл дверцу со своей стороны и вжал педаль газа до упора, одновременно выворачивая руль вправо. За мгновение до того, как колёса разогнавшейся машины оторвались от мокрого асфальта, Аслан выпрыгнул из неё. В прыжке он сгруппировался, но всё равно удар о землю был весьма сильным и болезненным. Тем не менее Аслан почти сразу вскочил на ноги. На секунду он задержался на краю, над низиной. Машина падала, передняя часть её ударилась о гранит, с громким скрежетом смялась, от этого удара машина перевернулась на крышу и разом вспыхнула. Дело было сделано, и Аслан, прихрамывая, побежал прочь. На пустом по ночному времени проспекте его никто не заметил. Первый гаишный «УАЗ» появился на месте катастрофы только через двадцать минут.

* * *

На следующий день в гостиничном номере «Полярных зорь», в котором поселился Аслан, прозвучал телефонный звонок. Подняв трубку, Аслан услышал голос Валентина Кагарлицкого.

– Тебе везёт, Аслан, – порадовал старый приятель. – У нас в охране освободилась вакансия.

– Кто-то уволился? – спокойно поинтересовался Аслан.

– Можно сказать и так, – Кагарлицкому явно не хотелось посвящать старого приятеля в подробности этого «увольнения». – Записывай адрес отдела кадров, – Кагарлицкий продиктовал адрес. – Чем раньше оформишься, тем лучше.

– Понял, – сказал Аслан.

В отделе кадров его ждали, и все формальности были улажены в течение нескольких минут. Однако в телохранители Маканина Аслан не попал. Он на это и не рассчитывал: всему своё время.

Аслан проработал в охране администрации неделю. Пару раз он видел Маканина и даже разговаривал с ним. В воскресенье он снова встретился с Валентином Кагарлицким и в дружеской обстановке изложил ему свои соображения по поводу «дыр» в системе охраны высокопоставленных чиновников администрации. Кагарлицкий принял его слова к сведению и попросил составить докладную записку для советника по безопасности. Аслан составил. Прошло ещё три дня, и Маканин самолично пригласил Аслана на собеседование.

– Это вы написали? – осведомился он благожелательно, демонстрируя Аслану листки докладной записки.

– Да.

– Очень хорошо. Валентин говорил мне, что вы очень способный молодой человек. Я думаю, вы заслуживаете большего, чем работа в наружной охране. Пойдёте ко мне в команду?

– Почему нет?

Так Аслан за полторы недели сделал карьеру. Теперь он был при Маканине, и они стали встречаться намного чаще. Проблема выполнения задачи, поставленной перед Асланом, упростилась до предела. Но он не спешил. Ведь нужно не только разобраться с Маканиным, нужно выполнить одно маленькое условие и уйти живым.

Удобный момент выдался на семнадцатый день службы в охране мурманской администрации. Вечером Аслан заступил на суточное дежурство в приёмной Маканина – дежурство входило в список обязанностей всех членов команды господина советника, за единственным исключением в лице заместителя и «правой руки» Валентина Кагарлицкого. В тот день Лев Максимович задержался в своём кабинете дольше обычного, работал с бумагами. Пару раз просил Аслана принести ему чая. Аслан послушно приносил. Когда здание администрации опустело, Аслан вытащил из своей сумки длинновольный пистолет системы «парабеллум», навинтил глушитель – не самоделка, настоящий, заводского изготовления. Потом подумал и, расстегнув запонки, закатал левый рукав. Вслед за пистолетом Аслан извлёк из сумки хитроумную перевязь с длинным тонким кинжалом без рукояти. Закрепив перевязь на предплечье и проверив, насколько свободно движется клинок, Аслан закатал рукав. После чего взял «парабеллум» в правую руку и, не постучав, распахнул дверь кабинета Маканина. И тут же остановился, замер, увидев направленное ему в лицо дуло пистолета.

* * *

– Оружие на пол, – приказал Маканин.

Аслан наклонился и положил пистолет с глушителем на пол.

– Оружие – ногой ко мне, – последовал новый приказ.

Аслан шаркнул ногой. Вращаясь, «парабеллум» отлетел к столу, за которым сидел Маканин.

– Отлично, – сказал советник. – Теперь заложите руки за голову и отойдите к стене.

И снова Аслан выполнил приказ. Даже сейчас из этого более чем невыигрышного положения он мог расправиться с Маканиным в один момент, но тогда не была бы выполнена программа-максимум. Молча Аслан ждал продолжения.

– Теперь поговорим, – советник не опустил пистолет, удерживая Аслана на мушке и разумно полагая, что противник может выкинуть какой-нибудь фортель. – Я не знаю точно, кто прислал вас убить меня. Есть несколько версий, и все они равнозначны. Но это меня и не интересует. Перед тем, как вас уведут отсюда, я хотел бы знать ответ только на один вопрос. Почему вы не убили меня сразу? Вы показали себя великолепным профессионалом, вы обнаружили массу «дыр» в нашей системе охраны – зачем вам понадобилось идти на прямой контакт со мной, внедряться, убивать Акимова? Не проще ли было ликвидировать меня на расстоянии – снайперским выстрелом?

Аслан сразу понял, где прокололся. Он ожидал, что расследование гибели Акимова будет проведено со всей тщательностью, но не думал, что смерть охранника, разбившегося «по пьяни» в Долине Уюта, так быстро увяжут с ним – Асланом. Но чем-либо смутить бывшего сержанта ВДВ, а ныне – профессионального киллера было трудно. На слова Маканина он лишь презрительно усмехнулся.

– Так поступили бы вы, – ответил он надменно. – Но так никогда не поступаем мы. Наш враг должен знать, за что он приговорён к смерти.

– Это входит в ваше задание? – изумился Маканин; пистолет дрогнул в его руке. – Невежливо!

Аслан пожал плечами. Сделать это с заложенными за голову руками довольно сложно, но он справился.

– Тогда новый вопрос, – продолжал советник. – Что именно вы должны были сказать мне, перед тем как убить?

– Не сказать. Показать.

– Показать?! Очень интересно. Что же вы должны были мне показать?

– Одну фотографию. Она у меня с собой.

Маканин воспринимал ситуацию скорее юмористически, чем серьёзно. Он переиграл киллера, взял его на мушку в самый опасный момент и теперь явно хотел насладиться своим триумфом. Тщеславие его и погубило.

– Где конкретно находится фотография?

– Здесь. В моём внутреннем кармане. В правом, – добавил Аслан, чтобы у Маканина не возникло нужды задавать ещё один вопрос.

– Медленноними левую руку с затылка... – распорядился Маканин.

Аслан так и поступил. Но только снял он её не медленно, а резко выкинул вперёд, будто в нацистском приветствии. Тонкий кинжал без рукояти за долю секунды преодолел расстояние до стола и пробил грудную клетку Маканина, войдя между рёбрами с левой стороны.

Советник всё же успел выстрелить, но его пуля не достигла цели. Кинжал ещё был в воздухе, а Аслан отпрыгнул в сторону и вниз, упал на четвереньки, перекатился. Потом медленно встал. Лев Максимович хрипел в кресле. Он был жив, и это тоже входило в планы Аслана.

Киллер подошёл к столу. Он склонился над Маканиным, приблизил своё лицо к его лицу.

– Наш враг должен знать, за что он приговорён к смерти, – повторил Аслан ранее сказанную фразу.

Он всё-таки полез во внутренний карман и достал из него фотографию. Это был снимок очень хорошего качества, словно вырезанный из рекламного проспекта – изображение взлетающего над полосой военно-транспортного самолёта С-130Н «Геркулес» с норвежскими опознавательными знаками.

Аслан поднёс фотографию к самым глазам Льва Максимовича.

– Смотри, – сказал Аслан. – Ты узнаёшь этот самолёт?

Маканин булькнул. Он сфокусировал зрение на фотоснимке. Потом с большим трудом выговорил несколько слов. Это были его последние слова.

– Чурки... – сказал советник губернатора, – чурки... вы... все...

– Узнал, – подытожил Аслан удовлетворённо.

Последние слова Маканина, оскорбительно вызывающие, не произвели на него ровно никакого впечатления. Программа-максимум была выполнена. Он положил пальцы на шею советника, туда, где находится так называемое плечевое сплетение нервов, и с силой нажал. Через минуту Лев Максимович Маканин был мёртв.

Уходя, Аслан забрал «парабеллум» и фотографию. Извлекать кинжал из остывающего тела он побрезговал.

Глава третья «Старший, я горю!»

(Кольский полуостров, декабрь 1998 года)

Майор Громов не любил ночных вылетов. А кто их любит? При ночных вылетах совершенно утрачивается ощущение истинного полёта. Да, приборов в кабине более чем достаточно для того, чтобы взлететь, выполнить задание и посадить истребитель, ни разу не взглянув на небо и землю. Да, в программу обучения пилотов входит полёт при нулевой видимости, а чтобы он был действительно «слепым», без обмана, на фонарь кабины надевается специальный колпак. Да, со временем любой способный пилот отрабатывает свои действия в воздухе до автоматизма, начинает чувствовать скорость печёнкой, а высоту – мозжечком. Тем не менее пилот остаётся человеком и чисто инстинктивно доверяет своим глазам больше, чем показаниям приборов. А ночью – какие тут глаза?

Но как бы ни относился Громов к ночным полётам, тревожный бой колоколов заставил его вскочить и, застёгивая на ходу ремешки подшлемника, побежать к выходу, над которым мигала громадная светящаяся надпись: «ВОЗДУХ!»

– Готовность номер один! – услышал Константин уже на бегу.

Следом за Громовым к выходу устремился лейтенант Беленков.

Через десять минут оба пилота уже сидели пристёгнутыми в кабинах своих истребителей. Метеосводка в этот день была не ахти. Облачность – десять баллов. Снег. Полётная видимость – триста метров. Ветер – норд-ост, пятнадцать метров в секунду. Температура воздуха у земли – минус двадцать.

Все эти прелести зимы в Заполярье Громов мог наблюдать через фонарь кабины. Снежные хлопья летели наискось, заслоняя обзор, но полоса была ярко освещена, и майор видел, как в ледяном сумраке медленно движется по ней снегоочиститель – тягач с авиационным двигателем на подвеске; реактивная струя из двигателя бьёт под наклоном вниз, в один миг сметая сугробы. К истребителю подбежал, пряча лицо от ветра, дежурный техник – расторопно убрал стремянку и колодки. Снегоочиститель повернулся и ушёл с полосы.

«Сейчас начнётся», – подумал Громов.

Глядя на светящиеся шкалы приборов, он вспомнил вдруг, как сын Кирюша играл в «F-117», довольно примитивную игрушку для персонального компьютера. Громов не знал схемы расположения приборов в кабине «Найтхока»,⁸ а потому не мог оценить по достоинству качество имитатора, однако ощущение полёта «вслепую» воспроизводилось очень точно: чтобы выиграть в этой игре, всё внимание следовало отдавать многочисленным шкалам, и только. Бездушная механика ночного боя.

«Кого бомбишь?» – поинтересовался тогда Константин у сына.

«Мурманск», – ответил Кирюша, нетерпеливо дёрнув плечом: отец ему явно мешал одним своим присутствием.

«Ну ты и сволочь, – сказал Громов без малейшей, впрочем, угрозы в голосе. – наших бомбить?»

«А кого мне ещё бомбить? – резонно спросил сын. – Это же „F-117“. Белый Дом они в опциях не предложат».

---

⁸ «Найтхок» (англ.: «Night Hawk») – название знаменитого бомбардировщика-невидимки «F-117A», разработка фирмы «Локхид».

Громов подивился чудному слову «опция», прозвучавшему из уст шестилетнего ребёнка, а про себя решил в обязательном порядке найти для Кирюши игру более патриотической направленности – под названием «МиГ-23», например.

– Двести тридцать первый, запуск! – распорядился ответственный за выпуск дежурной пары.

«Всё это игра, – подумал Громов, выводя двигатель „МиГа“ на рабочие обороты. – А в опциях у нас сегодня нарушитель».

Ещё майор вспомнил, что, как-то разговорившись, Кирюша признался: после выполнения очередного задания он никогда не сажает свой «Найтхок» на аэродром, предпочитает катапультироваться, не долетев милю. На удивлённый вопрос отца, почему Кирюша гробит дорогостоящий бомбардировщик, сын безапелляционно заявил, что так проще, а на количестве заработанных очков это не сказывается. «Во-от как? – протянул Громов, немало удивлённый странной логикой заокеанской игры. – Если б ты знал, мальчик, что такое катапультирование».

Майор представил себе, каково катапультироваться в такую вот зимнюю заполярную темень над заснеженным лесом, и его пробрал озноб.

Пока Громов предавался воспоминаниям, ответственный за выпуск согласовал программу вылета с КП в Оленегорске и отдал приказ на перехват:

– Цель следует вдоль государственной границы. Идентифицирована как самолёт радиоэлектронной разведки «Nimrod R.МК1». ⁹ Задача – выйти на цель и сопровождать её, не допуская нарушения государственной границы Российской Федерации.

– Вас понял, Берёза, – откликнулся Громов. – Задача – выйти на цель и сопровождать её, не допуская нарушения государственной границы.

– Взлёт разрешаю.

Ведущим снова стал Громов. Беленков пристроился в полукилометре, благоразумно держась в стороне от спутной струи. ¹⁰ Штурман наведения, сидящий на КП в Оленегорске, дал целеуказание, перехватчики развернулись в воздухе и легли на юго-западный курс.

Прошло две минуты полёта в полной темноте, и наконец бортовая РЛС «Сапфир» обнаружила цель. Самолёт-разведчик действительно шёл вдоль российско-норвежской границы, старательно следуя всем её изгибам.

– Ладога, цель обнаружена, – доложил Громов. – Ведём её.

– Так держать, – откликнулся штурман.

Тут на рабочей частоте вдруг появился посторонний.

– Good morning, Костья! – услышали пилоты весёлый голос с хрипотцой. – How do you do? How are your wife and son? ¹¹

Это был кто-то из экипажа «Нимрода». Командир или второй пилот. Он знал о присутствии истребителей, и ему, очевидно, захотелось поразвлечься.

– Факал я тебя, – ответил Громов беззлобно.

Беленков засмеялся.

– Так их, командир! – поддержал он с задором.

– Костья, – укоризненно сказал безмянный пилот британского разведчика. – In English, please! ¹²

– Учи русский, – буркнул майор.

---

⁹ «Nimrod R.МК1» – британский самолёт радиоэлектронной разведки, полное название – «British Aerospace Nimrod R.МК1»; три самолёта этой серии поступили на вооружение британских ВВС в 1974 году.

¹⁰ Спутная струя – турбулентный поток, оставляемый самолётом; представляет опасность для ведомого, так как может вызвать срыв на плоскостях его крыльев.

¹¹ Доброе утро, Костя! Как твоё здоровье? Как твоя жена? Как твой сын? (англ.)

¹² По-английски, пожалуйста! (англ.)

(В том, что экипаж «Нимрода» столь хорошо осведомлён о подробностях жизни Константина Громова, не было ничего удивительного. Службы радиотехнической разведки НАТО отслеживали все вылеты российских перехватчиков, а в базы данных были занесены все пилоты и работоспособные машины. Сложит один и один несложно, а потому под каким бы позывным ни прятался русский пилот, для «потенциального противника» секрета это не представляло. Именно для того, чтобы сбить с толку радиоразведку НАТО, и была придумана в своё время игра в «плановые учения», послужившая прикрытием для операции «Испаньола»).

Истребители следовали за разведчиком, удерживая его в радиусе дальнего действия своих ракет. Громов знал, что комполка Александр Свиридов отдал бы правую руку за то, чтобы этот самый «Нимрод» (британский разведчик уже не раз залетал в приграничную зону, досаждая наземным службам) хоть раз пересёк границу и его можно было бы сбить к чёртовой матери, но он также знал, что этого никогда не произойдёт, а потому не ожидал больше от этого «тревожного» вылета никаких сюрпризов – рутина «холодной» войны.

«Ну, это надолго», – подумал Громов.

Скорого окончания игры на нервах действительно ждать не приходилось. «Нимрод» будет продолжать маневрировать у границы, пока у перехватчиков не кончится топливо и они не вернутся на базу. Сам разведчик снабжён системой дозаправки в воздухе, и теоретически у него нет ограничений по времени пребывания у чужих границ. Но Свиридов – тоже не дурак, и когда дежурная пара уйдёт на Рыбачий, с аэродрома в Оленегорске взлетят ещё два перехватчика, и игра будет продолжаться до тех пор, пока «Нимрод» не уберётся из приграничной зоны.

Против ожидания британский разведсамолёт не стал задерживаться у границ Российской Федерации. Не прошло и пяти минут с того момента, как Громов и пилот «Нимрода» обменялись «любезностями», и самолёт радиоэлектронной разведки вдруг развернулся и пошёл курсом на запад, в глубь территории Норвегии.

– Ладога, на связи двести тридцать первый, цель уходит, – сразу же доложил Громов. – Курс цели – двести семьдесят.

– Вас понял, двести тридцать первый, – откликнулся штурман из Оленегорска. – Пока держитесь рубежа.

«Мудрят, – подумал Громов. – А чего мудрят, сами не знают. Ясно же, разведчик своё отработал».

От нечего делать майор попытался угадать, кто сегодня штурманом наведения. В любом подразделении ВВС людей, выполняющих обязанности наземного штурмана, не так уж много; обычно это пилоты с большим стажем, снятые с полётов по состоянию здоровья, по возрасту, да мало ли причин. Личный состав их хорошо знает, и не только по голосу. Но сегодня вылетом перехватчиков руководил новичок. Громов слышал о недавнем пополнении в авиаполку «Заполярье», но ни с кем из новоприбывших пилотов и штурманов до сих пор не встречался и не беседовал. Об уровне квалификации новичков в части 461-13"бис" могли только догадываться. Например, зампотех Никита Усачёв в своей неподражаемой экспрессивной манере заявил: «Знаем мы эти перестановки! Пригнали дармоедов с юга, а наших – под сокращение!»

Голос штурмана, направлявшего пару Громов – Беленков, принадлежал, по оценке майора, ещё довольно молодому человеку, говорившему правильно, но с характерным, хотя и малозаметным акцентом. «Прибалт, – решил Громов. – Эстонец или латыш. Из натурализованных после отделения». Ничего против прибалтов Константин не имел, однако невольно вспомнил анекдоты про «горячих эстонских парней», медлительных и глуповатых.

«Нимрод» уходил на крейсерской скорости от границы, пока наконец не вышел за пределы действия бортовой РЛС «Сапфир». Перехватчики продолжали кружить над совершенно пустым пятчком радиусом в двадцать километров.

– Ладога, на связи двести тридцать первый, – напомнил Громов штурману о себе. – Цель потеряна.

– Э-э, терпение, двести тридцать первый, – ответил штурман. – Ждите дальнейших распоряжений.

Громов поджал губы. Его подобный ответ не устраивал, но со штурманом не поспоришь: ждите – значит, ждите. Впрочем, на этот раз ждать долго не пришлось – всё случилось гораздо раньше.

Первым посторонний объект заметил Беленков.

– Двести тридцать первый, к нам НЛО в гости, – сообщил он на рабочей частоте.

– Где?.. Вот чёрт, действительно.

Индикатор на лобовом стекле АСП-17МЛ подтверждал слова Беленкова: в радиусе действия бортовой радиолокационной системы появился кто-то третий. И этот третий приближался с очень большой скоростью.

«Истребитель», – быстро прикинул Громов.

Сирена оповещения молчала. Следовательно, система опознавания СРЗО-2М посчитала объект «своим».

– Ладога, – запросил майор. – На связи двести тридцать первый. У нас гость. По характеристикам – истребитель. Курс – сто девяносто. Кто у вас там болтается?

После небольшой заминки штурман наведения переспросил:

– Не понимаю, двести тридцать первый. Что значит «гость»?

– К нам приближается летательный аппарат, опознанный системой как свой, – принялся терпеливо растолковывать Громов. – Но мы никого не ждём...

– В вашей зоне нет посторонних самолётов, – сказал штурман. – Только вы, двести тридцать первый, и ваш ведомый – двести тридцать четвёртый.

– Как нет? У вас локатор в порядке?

– Не морочьте мне голову, двести тридцать первый, – в голосе штурмана послышалось раздражение; прибалтийский акцент заметно усилился. – С локатором у нас всё в порядке.

– Действительно НЛО, – подытожил голос Беленкова. – Никогда их раньше не видел – интересно...

– Ничего интересного, – высказал своё мнение Громов.

Он напряжённо следил за приборами. Неопознанный объект изменил курс. Теперь он двигался строго на юг, обходя зону, где кружили два истребителя.

– Ладога, вы до сих пор ничего не видите?

– Ничего, двести тридцать первый. Кроме вас, у границы никого нет.

«Если на клетке с тигром написано „Заяц“, не верь глазам своим», – к месту или не к месту вспомнил Громов общеизвестный афоризм.

НЛО снова изменил курс.

– В переднюю полусферу заходит, – сообщил Беленков. – И высоту, вроде, уравнивает.

– Вижу, – отозвался майор.

– Что будем делать, двести тридцать первый?

– Не знаю, двести тридцать четвёртый. «Земля» его не видит. Мистика какая-то.

– Ну это по вашей части, двести тридцать первый.

– Что за намёки, двести тридцать четвёртый?

– Прошу прощения, товарищ майор.

Пустопорожняя болтовня между двумя пилотами могла бы продолжаться ещё долго, но тут Громов окликнул штурман наведения:

– Двести тридцать первый, сообщите Ладоге ваши координаты. Двести тридцать первый, где вы? Сообщите ваши координаты.

– Чем дальше, тем страньше, – перефразировал майор слова Алисы Лидделл.¹³ – Теперь и я с экранов пропал.

Ситуация нравилась ему всё меньше и меньше.

– Ладога, говорит двести тридцать первый. Я нахожусь в приграничной зоне. Координаты... – продиктовать координаты Громов не успел, потому что как раз в этот момент понял, что его не слышат.

– Двести тридцать первый, – продолжал бубнить штурман, – двести тридцать первый, где вы? Сообщите Ладоге ваши координаты.

Майор ещё раз окинул приборную панель придиричивым взглядом. Нет, никаких неисправностей вроде бы нет.

– Двести тридцать четвёртый, – обратился он к Беленкову, – попробуй ты, что ли, поговорить с землёй. У меня с дальней связью неполадки, а система молчит.

– Двести тридцать первый, вас понял, – откликнулся лейтенант.

И тут началось. Взвыла сирена оповещения. От НЛЮ, шедшего навстречу истребителям на расстоянии чуть более сорока километров, вдруг отделилась хорошо различимая на экране радиолокатора точка. Ракета! Это же ракета, чёрт вас побери!

Громов положил «МиГ» на правое крыло, уходя в сторону. О ведомом в этот момент он не думал, полагая, что тот будет делать то же самое. Громов не учёл, что Беленков молод, что он недавно в части и является лётчиком второго класса, то есть не сдал ещё все положенные зачёты. Громов забыл, что молодой лейтенант ни разу не участвовал в самodelешном бою. Откуда ему? Ни в Афганистан, ни в Чечню он не попал. Итог: Громов не подумал, не учёл, забыл да и просто растерялся, и его ошибка стоила Беленкову жизни.

Управляемые ракеты «воздух – воздух», предназначенные для борьбы с авиацией противника, бывают двух типов: с осколочно-фугасной или стержневой боевой частью. Разница невелика, тем более что принцип действия одинаков. Осколочно-фугасная БЧ представляет собой металлическую оболочку, внутри которой находится бризантное взрывчатое вещество. При взрыве оболочка дробится на осколки. Для получения осколков нужного размера и формы на оболочку наносят насечку, и металл рвётся там, где «тонко». Стержневая БЧ применяется на более современных и скоростных ракетах; вместо оболочки с насечкой там используются спаянные друг с другом стержни. При подрыве боевой части стержни образуют кольцо, поражающее цель. Именно второго – стержневого – типа была боевая часть у ракеты, выпущенной неопознанным летающим объектом по перехватчикам Громова и Беленкова.

Сброшенная авиационной катапультной установкой, ракета на скорости полторы тысячи метров в секунду понеслась в сторону цели. Быстро выгорал маршевый двигатель. Головка самонаведения, получая команды от бортового компьютера неопознанного истребителя, надёжно держала цель. Рули поворачивались, подчиняясь командам системы гидравлических приводов, не давая ракете сбиться с курса. За двадцать секунд ракета – этот металлический, но от того не менее смертоносный хищник – преодолела расстояние, отделявшее её от указанной пилотом НЛЮ цели, и взорвалась в двадцати метрах от «МиГа» лейтенанта Беленкова. Стержни разлетелись, и кольцо из стали встретило перехватчик.

На такой скорости и птица опасна, а тут тысяча игл, пронзивших фюзеляж самолёта в тысяче мест. «МиГ» сразу перестал слушаться руля, лопадки компрессора силовой установки обломались, центробежная сила разбросала их по корпусу, и двигатель запылал, что ещё усугубило общую картину катастрофы.

– Старший, я горю! – успел крикнуть Беленков.

Правое крыло истребителя Беленкова отвалилось, и «МиГ» камнем рухнул вниз. Это был даже не штопор, это было просто падение.

---

¹³ Алиса Лидделл – девочка Алиса, послужившая Льюису Кэрроллу прототипом героини повести «Алиса в Стране Чудес».

– Прыгай, Серёжа! – заорал Громов, и микрофоны передали приказ в эфир. – Жми на катапульти!

Но лейтенант Беленков уже ничего не слышал. Пламя охватило кабину, и Беленков умер раньше, чем успел дёрнуть за держки системы катапультирования.

Искалеченный «МиГ» за несколько секунд достиг земли и врезался в склон сопки. Полярная ночь озарилась яркой вспышкой.

– Двести тридцать первый, двести тридцать первый, – монотонно повторял штурман наведения, – где вы находитесь? Двести тридцать первый, где вы находитесь?..

– Вы что там, охуели?! – неистовствовал Громов. – Нас атакуют! Ведомый сбит! Нас атакуют!

– Двести тридцать первый, где вы находитесь? Ответьте, двести тридцать первый...

Разбираться с этой проблемой не было времени. Сбив Беленкова, неопознанный противник уходил на юг. Громов отлично видел его на ИЛС.¹⁴ Майор заскрежетал зубами. Решение пришло быстро. НЛО не должен уйти.

Громов сделал вираж и лёг на курс преследования. Врубил форсаж. Неопознанный истребитель шёл на скорости 1800 километров в час, Громов рванул на максимальной – 2500. Удаление составляло восемьдесят километров. Следовательно, на то, чтобы войти в зону пуска двух ракет средней дальности Р-24Р, подвешенных на «МиГе», Громову понадобится чуть больше четырёх минут. Нет, нужно подойти ещё ближе – на предельной дальности пуска и при таких скоростях противник может легко уйти от ракеты, а второй возможности поджарить ему хвост не будет.

Четыре минуты пролетели незаметно. Громов был собран, напряжён и уже не обращал внимания на призывы штурмана наведения. Глянул только на индикатор топлива. «Окурок» пока не горит, и славно.

Пилот НЛО наверняка заметил преследователя, но манёвра никакого не предпринял, даже сбросил скорость до 500. Это означало только одно: он слишком уверен в своей безопасности и безнаказанности и демонстрирует преследователю своё презрение, подставляя хвост.

«Ты ещё не знаешь, с кем столкнулся, – думал Громов ожесточённо. – А столкнулся ты с „Витязем“, а драться с „Витязем“ я никому не порекомендую».

И тут, в тот самый момент, когда удаление между Громовым и НЛО составило тридцать километров, и зажёгся сигнал «Захват головок», преследуемый противник выкинул неожиданный финт: светящаяся точка на индикаторе радиолокационного комплекса застыла, медленно поползла назад и оказалась в задней полусфере истребителя Громова. Громов обалдел. А потом спохватился. Это же «Сухой»! Никаких сомнений. Только истребитель класса «Су» с такой непринуждённостью может сделать «Кобру Пугачёва», пропустив преследователя под собой и мгновенно переменив роли в сумасшедшей чехарде воздушной дуэли.

Мысли Громова неслись галопом. Но отличная выучка давала себя знать. За какие-то секунды майор вспомнил всё, что когда-нибудь знал об истребителе «Су-27».

---

¹⁴ ИЛС – индикатор на лобовом стекле.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.